

Методологические аспекты изучения региональной культуры (к постановке проблемы)

Переходный характер современной российской культуры настоятельно требует осмысления проблемы пути России [1; 2; 3], вновь, как и век назад, делая актуальным обсуждение вопросов самого существования страны, векторов ее развития, взаимоотношений территорий, этносов, социальных групп. Сложность описания современной социокультурной ситуации состоит в том, что создание моделей функционирования национальной культуры вступает в противоречие с практикой конкретного бытия, обусловленной наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их притяжением-отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разнонаправленностью ценностных ориентаций [4; 5].

При всем разнообразии конкретных исследований (от описания культур отдельных народов или отдельных социальных групп, проблем межкультурных связей разного уровня, способов организации социальной жизни до анализа социально-психологических особенностей представителей того или иного сообщества, их политических или экономических предпочтений) остается ощущение отсутствия единства в понимании *что такое* Россия (которое к тому же постоянно изменяется, в том числе и в зависимости от политической конъюнктуры), и, как следствие, не складывается и представление о единой в своем многообразии культуре России.

Одним из способов преодоления возникающих сложностей осмысления культуры страны в целом становится обращение к *изучению ее отдельных регионов*, которое может стать основой серьезного междисциплинарного исследования, где многообразие связей типологически подобно общероссийскому, но в силу локализованности во времени и пространстве они носят более очевидный характер.

Говоря о регионалистике как о научной отрасли, необходимо различать сформировавшиеся на сегодня два направления – это регионалистика зарубежных стран [6; 7] и внутренняя регионалистика. Объем исследований по ним не сопоставим, но именно второе направление, во многом благодаря не до конца определившейся социально-политической ситуации в самой России и тем новым реалиям, с которыми страна и ее регионы столкнулись на протяжении последнего десятилетия, приобретает особую значимость. И если изучение зарубежных стран ведется как с учетом территориально-природных, политико-экономических, культурно-исторических реалий, при изучении ситуации в России преобладает в основном политико-экономическая составляющая. По сути, регионалистика России сегодня – поле прикладной политологии [8].

Однако, как бы ни были важны проблемы политического устройства страны, они носят временный и временной характер. Более того, нерешенность многих региональных проблем в политической плоскости лишь свидетельство того, что в этой логике они в принципе решены быть не могут (если не учитывать всегда сохраняющееся и постоянно доминирующее желание все проблемы решать волевым путем). Региональная аналитика сегодня столкнулась с тем, что исследования носят либо характер констатации наличной ситуации, либо описывают внешнюю сторону происходящих процессов [9].

Назрела необходимость сочетания в анализе внешних характеристик региона с глубокой саморефлексией. По сути, речь должна идти о региональной герменевтике (термин предложен В. Каганским [10]), постижении культурных, идеологических и политических контекстов и смыслов, столь разнообразно представленных в современном мире.

Попытки анализа такого типа делались и раньше [11]. К примеру, исследование региона в краеведческих исследованиях (активно развивавшихся с 60-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в.) велось в логике описания природно-географической, этнической, хозяйственной структур, обращения к его истории

и культуре, подчеркивая уникальность и своеобразие отдельных территорий [12].

Истинный масштаб современных исследований региональной проблематики представить достаточно сложно, отчасти потому, что они рассеяны по отдельным областям знаний и находятся внутри своих наук (географии, этнологии, археологии, истории, фольклористики, языкознания и т.д.), отчасти потому, что регионалистика как отдельная наука находится еще на этапе становления, когда поле междисциплинарного взаимодействия только обретается. Но уже сегодня можно вычленить ряд проблем, которые стали доминантными.

Первый уровень проблем связан с определением семантики слова «регион». В зависимости от характера исследовательских задач под регионом понимается либо хозяйственно-экономическая общность, либо географически-административная единица, либо историко-культурная область (или, в терминологии петербургских исследователей – историко-культурная зона) [13].

Следующий уровень – определение границ исследования. Сегодня явное предпочтение отдается анализу политических и хозяйственных проблем отдельных регионов. Находясь в русле определенной традиции (когда экономические и политические факторы развития социальных систем признаются основными), исследователи довольно подробно обозначили поле анализа региональных систем. [14; 15]

Методология исследований связана с системным подходом, позволяющим интерпретировать социум как объект управления на различных уровнях. Проблемы управления, анализ хозяйственных связей и инфраструктуры регионов выходят на первый план, акцентируя взаимоотношение между отдельными субъектами (в российском случае – между центром и отдельными регионами): размеры налогов и налоговых отчислений в бюджеты разных уровней, правовые гарантии суверенитетов, границы полномочий «центра» и органов местного самоуправления в области социальной жизни, образования, международной деятельности и др. Такой

институциональный подход позволяет изучить уровень и формы взаимодействия различных ветвей власти, обратиться к юридическому анализу законодательной базы.

И если вопросы социального и экономического развития территорий были в поле зрения отечественных ученых и раньше, то исследование региональных политических процессов стало новым направлением исследований. Новые политические реалии (многопартийность в регионах, формирование региональных политических элит, выборы на всех уровнях власти) стали определять как проблематику исследований, так и их практическую значимость. Именно поэтому многие исследователи регионалистику рассматривают исключительно как прикладную политологию, хотя отмечается явная недостаточность исследования региона исключительно с точки зрения политических реалий.

Политико-экономическая доминанта региональных исследований затемняет один существенный момент: в условиях насильственной унификации прошлых лет, ощутимого командно-административного диктата многие регионы продолжают испытывать проблемы с самоидентификацией и определением направлений собственного развития. Именно проблемы, связанные с самоидентификацией, с обретением и осознанием собственного лица в современной социокультурной ситуации должны выйти на первый план.

Новый уровень анализа региональных систем связан с осмыслением этнокультурных различий. Двухнаправленный процесс (описание и осмысление этнического разнообразия исследователями, принадлежащими данным этнокультурам, и попытки создания типологических исследований) обогащают процесс анализа региональной специфики России (не случайно в связи с этим появившееся определение «Россия как десять стран», отличающихся географически и культурно). Особую актуальность приобретает анализ национальных отношений в регионах, в том числе и как определенный фактор нестабильности социальной жизни.

Осмысление этнокультурных проблем, находится в рамках более общей проблематики – обретения региональной идентичности и формирующегося регионального самосознания в постсоветской России. Именно эти проблемы выходят сегодня на первый план в регионалистике: требуют осмысления соотношения региональных, национальных и общегражданских ценностей, проблемы регионализации общественного сознания, анализ индикаторов регионального самосознания.

В настоящее время делаются попытки описания символических систем, форм мышления и типов личности, характерных для отдельных регионов. Особое место должны занять исследования отдельных культурных феноменов (религиозно-конфессиональных, художественно-эстетических, научно-образовательных). Однако здесь работа находится только в самом начале.

В целом, можно отметить, что внутренняя регионалистика сегодня обрела объект исследования, но пути и подходы к его исследованию и интерпретации только нащупывает.

Значительный опыт анализа географически закрепленных культурных сообществ накоплен в международной регионалистике и связан с созданием целостного образа иной культуры. В настоящее время необходимо, используя накопленный опыт, применить его для анализа региональной проблематики в современной России. Сложность поставленной задачи усугубляется тем, что если национальные культурные общности, проживающие на территории Российской Федерации, в той или иной мере изучались, то регионы, особенно заселенные по преимуществу этническим русским населением целостному анализу практически не подвергались. Во многом это объясняется тем фактом, что эти «локальные историко-территориальные образования, обладающие ярко выраженной локальной специфичностью» всегда акцентировали «собственную принадлежность к российскому государству» [16, С. 78]. Сошлемся на опыт проведенного не так давно исследования в четырех регионах Европейской России – Новгородской, Воронежской, Саратовской и Свердловской областях [17]. При всех сложностях, с которыми столкнулись авторы, была еще одна –

отсутствие языка описания, невыработанность способов интерпретации существования и функционирования регионального сообщества.

Таким образом, необходимо в самое ближайшее время создать не только модели и методики, по которым становилось бы возможным максимально точно описать регион как единое геокультурное пространство, но и попытаться практически использовать наработанный инструментарий для анализа конкретного региона.

Методология регионального исследования предложена в работе «Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон» [13] авторы которого последовательно рассматривают основания регионалистики как сферы научного познания и намечают пути исследования региона как особого исторически сложившегося образования. Продолжая это направление отметим, что введение в региональную проблематику понятия региональной культуры позволяет расширить границы исследования и уточнить специфику существования и функционирования отдельных региональных общностей.

Обращение к культуре дает возможность изменить видение региона, осознать его роль в трансляции ценностей национальной и общероссийской культуры, понять его уникальность и одновременную «вписанность» в культурное пространство страны и мира, открыть особенности сформировавшегося типа личности, способов коммуникации, форм духовного освоения мира [18]. Делая культуру тем «магическим кристаллом», в котором отражаются все стороны человеческой жизни, можно более глубоко осознать и специфичность современной социальной ситуации, найти наиболее адекватные для населения конкретного региона формы включения в единое пространство России и тем самым скорректировать пути реформирования страны, сделав их более органичными.

Для того, чтобы увидеть регион как целостную систему связей, необходимо, чтобы людьми место их жизни было освоено как собственное и значимое, чтобы выработался определенный «способ связи» с местом жизни,

выкристаллизовался определенный тип мироотношения и миропонимания. Таким интегратором социальной жизни конкретного региона становится *культура*. Она позволяет не только уточнить регионообразующие факторы, но наполняет их дополнительным значением.

Географическая составляющая при анализе региона включает в себя описание природно-климатических условий и природных ресурсов, характерных для данной территории, но уточняется за счет включения в описание символов и кодов, проецируемых культурой данного региона на освоенное ею пространство [19].

Историко-культурная составляющая включает историю заселения и освоения региона, сформировавшийся в данном регионе тип культуры и доминирующий тип личности, закрепившиеся в общественном сознании.

Опыт описания историко-культурного пространства в контексте проблем истории заселения и формирования устойчивых общностей особенно активно развивается в исторической географии. Проблемы освоения географического пространства в ходе исторического развития России, связь геополитических и общенациональных интересов, анализ места России в мировом сообществе цивилизаций и осознание роли конкретных «мест» и их значения в русской истории дают возможность соотнести актуальное существование культуры и ее историю, позволяют рассмотреть феномен трансляции культуры, обусловленность конкретного «образа» культуры историческими реалиями.

В логике историко-культурного анализа возможно обращение к типу личности, сформировавшемуся на определенной территории в определенное время. Само представление о типе личности позволяет связать воедино внешние условия существования человека (географическое измерение и историческую обусловленность) с внутренним миром («присвоение» мира и активная деятельность в соответствии с ценностными ориентациями), обнаружить востребованность определенного человеческого типа в определенных условиях функционирования культуры. Историко-культурный анализ дает возможность не только «вписать» личность в определенный

исторический контекст, но и связать (или – противопоставить) индивидуальный опыт человека и социально детерминированную модель.

Демографическая составляющая наряду с традиционными проблемами расселения населения и размещения трудовых ресурсов, динамики миграций, сформировавшихся агломераций населенных пунктов обращаясь к функционированию культуры включает исторический анализ миграций, связанный с перемещением народов (например, в ходе индустриализации), обусловивший те или иные формы организации социальной жизни и способы освоения природного мира.

Этнокультурная составляющая связывает воедино рассмотрение культур отдельных этнических групп (системы ценностей, язык, религиозные верования, обряды, традиции), проживающих на данной территории и процессы межкультурного взаимодействия этносов.

Социально-психологические факторы, обуславливающие региональную идентичность (как национальную, так и наднациональную, связанную с той культурой, которая развилась в данном регионе) и формирующие региональное самосознание. Они во многом оказываются связаны с теми социальными мифами, которые определяют жизнь региона.

Ценностно-ориентирующая составляющая позволяет рассмотреть региональную систему ценностей как один из вариантов общекультурной системы, проанализировать, какие ценности, воспринятые личностью, связывают ее (личность) с местом ее жизни, и что становится значимым в каждый конкретный период развития культуры региона.

Политико-экономические системы могут быть рассмотрены в связи с тем типом культурного взаимодействия, который сложился в данном регионе.

Характеризуя взаимосвязь между регионообразующими факторами, отметим, что они составляют не конгломерат разнообразных явлений, а определенное единство, интегрирующим началом которого и становится региональная культура.

В качестве интегратора регионообразующих факторов культура может быть рассмотрена как система, раскрывающая, с одной стороны, специфику жизнедеятельности людей в данной территории, с другой, ценностное отношение к социальным связям, которые возникают как внутри территории так и в ее отношении к другим регионам и «центру». Такой подход позволяет не только описать механизмы адаптации национальной культуры к региональным особенностям, но оценить степень продуктивности и качество культуры, ее воздействие на личность человека и региональное сообщество.

Региональная культура становится серьезным фактором существования локального социума тогда, когда члены этого социума осознают себя как некое единство, идентифицируют себя с конкретной территорией, ощущая себя связанными с нею не только производственными связями, но и транслируемыми ценностями, среди которых значимость места жизни в судьбе ее жителей и судьбе страны ощущается как доминантная.

Региональную культуру можно рассматривать как своеобразный вариант национальной культуры (назовем ее «материнской»). Отношения «материнской культуры» и региональной – это связь общего и особенного. Региональная наследует ценностно-нормативное ядро «материнской культуры», формы и способы жизни людей и адаптирует их для условий конкретной территории.

Для того, чтобы в конкретной территории сложилась своя региональная культура, «материнская» культура должна пройти через несколько этапов. Первый – это включение данного географического пространства в поле освоения «материнской» культуры (ситуация «открытия» в той или иной степени характерна для многих регионов России: осваиваются Урал, Сибирь, Дальний Восток, Юг России, в более позднее время – территория Восточной Пруссии – Калининградская область). Вторая – это освоение новой родины переселенцами (миграция населения из Центральной России и Русского Севера на Урал и дальше в Сибирь, освоение южнорусских земель казаками, украинцами, белорусами).

На этом этапе происходит «символическое включение» территории в состав России. Появляется представление о роли, которую призвана играть данная территория в судьбе страны (быть «кладовой» природных богатств, как Урал или Сибирь, выполнять функцию охраны рубежей, южных, восточных или западных). Жители из разных областей страны, являясь носителями, с одной стороны, «материнской культуры», с другой, привнесенных в нее особенностей, связанных с местом прежнего проживания (это лучше всего представить на примере языка, существующего как единый, общий для всех носителей, и диалектный, характерный для данной местности), стремятся адаптироваться к конкретным формам существования, однако сохраняют в различных культурных формах (от одежды и жилища до языка и обрядности) черты прежней жизни.

На следующем этапе начинает осознаваться «связь с местом», выражающаяся в определенных способах хозяйствования, в организации социальной жизни. Вступая в межкультурную коммуникацию с коренными народами и переселенцами из других регионов, люди начинают осознавать собственную идентичность именно как людей, живущих в данном пространстве. На этом этапе формы жизни еще несут особенные черты тех мест, из которых переселились люди.

Четвертый этап отличается тем, что люди, живущие в конкретной территории, воспринимают ее как свою родину. Характер производства и социальной жизни, осознание собственной особенности и значимости в судьбе страны, сформировавшийся этос и нашедшие свое воплощение эстетические ценности – все это дает право называть культуру жителей конкретного региона *региональной*.

Интересно, что не всякий регион продуцирует свою, региональную культуру. Так, можно говорить о региональной культуре применительно к Уралу, Сибири, Югу России. Однако области центральной России не могут быть рассмотрены как феномены региональной культуры, они находятся в рамках «материнской» русской культуры (даже в обыденном сознании слова

«русская культура» ассоциируются с центральной Россией, тем, что исторически называлось Московией). Отдельными территориями можно назвать Русский Север, который воспринимается как квинтэссенция русской культуры, исторически связанный с другим древнерусским центром – Новгородом, и собственно столичные центры – Москву и Петербург.

Принадлежащие региональной культуре личности и произведенные в ее рамках артефакты становятся определенным образом маркированными: они получают статус атрибутов данной культуры. Не отрицая их национальной маркированности (феноменов русской, к примеру, культуры), они становятся еще и региональными репрезентантами. Это наличествует в личностных характеристиках (ср. закрепленные в обыденном сознании реальности – «москвич», «петербуржец», «сибиряк», «донской казак») и в артефактах (камнерезное искусство как «визитная карточка» Урала).

Региональная культура, таким образом, является интегрирующим началом жизни в конкретной территории, определяемая условиями существования людей (географическими) и определяющая формы их существования.

Представляется возможным наметить некоторые аспекты анализа региональной культуры – *онтологический и функциональный*.

Онтологический анализ позволяет рассмотреть региональную культуру как форму бытия и как форму регионального самосознания, связанных между собой как фазы ее генезиса.

Отправной точкой в анализе региона становится специфика географической среды, вопросы заселения территории, взаимоотношений человека и ландшафта, проблемы этногенеза. В каждом конкретном случае регионального анализа эти общие вопросы наполняются конкретным содержанием. Так или иначе, уже на уровне дифференциации пространства возникает представление об особенностях существующей на определенной территории культуры. Возникающие в процессе преобразования природной среды типы поселений, особенности застройки, специфику хозяйственно-

бытовой деятельности и т.п. создают новую, не свойственную собственно ландшафту, но присущую именно миру культуры, среду существования определенного человеческого сообщества.

Другим важнейшим условием, определяющим облик региональной культуры, является формирующаяся здесь специфика социальных отношений и связей, включающая особенности социальной структуры, социального статуса личности, системы и форм коммуникации. Еще одним элементом, сущностно характеризующим региональную культуру, выступает наличие артефактов как продуктов творчески-преобразующей деятельности локального социума.

В содержательном плане региональная культура раскрывается через характеристику специфики мироощущения и миропонимания членов регионального сообщества, особенности картины мира, идентичности и самосознание личности и локального социума, посредством формирования системы знаков и значений. Природная среда оказывается освоенной человеком не тогда, когда начинается хозяйственная деятельность на определенной территории, но тогда, когда происходит т.н. «символическое присоединение» места.

Следующим этапом анализа региональной культуры должно стать описание закрепленных в культурной памяти образов мира: пространства (прошлого и настоящего), конкретных исторических личностей и легендарных героев, почитаемых на данной территории и закрепленных в фольклоре.

Воссоздание определенного образа мира приводит к тому, что становится необходимым проанализировать формы самосознания, свойственные представителям данной культуры. Раскрывая специфику самосознания людей, живущих в определенной территории, мы тем самым создаем предпосылки для описания артефактов, свойственных данной региональной культуре, на новом уровне – именно как репрезентантов определенного способа мироотношения и мировосприятия.

Методика анализа региональной культуры была бы, на наш взгляд, неполной без включения в нее систем трансляции социального опыта, особое

место среди которых в современной культуре занимают системы образования. Аккумулируя и передавая социально-культурный опыт, сложившийся на определенной территории, система образования призвана воспитывать ценностное отношение к родной культуре, формировать чувство причастности к культуре региона и культуре страны.

Важным дополнением к анализу региональной культуры в онтологическом плане является ее рассмотрение с точки зрения функциональности.

Региональная культура выполняет для локальной территории те же функции, что и «материнская» для всей страны: *человекотворческую*, создавая определенный тип личности; *регулятивную*, выступая регулятором общественных отношений (на уровне устоявшихся местных норм и принятых законов); *аксиологическую*, формируя систему ценностей, опираясь как на традиции «пришлых людей», так и на традиции местных жителей; *символическую*, наполняя пространство жизни символами; *коммуникативную*.

На наш взгляд, именно коммуникативная функция в региональной культуре выходит на первый план, определяя тип личности, «задавая» вектор развития индивиду, регулируя социальные отношения.

Поскольку региональная культура формируется на основе национальной и понимает ее как свое внутреннее «ядро», постольку адаптация «материнской культуры» к определенным условиям человеческой жизни может быть рассмотрена как первый опыт коммуникации. Такой тип коммуникации, свойственный первому этапу взаимодействия «материнской культуры» и новыми пространственно-географическими условиям ее существования, можно описать через возникающие в региональной культуре артефакты (одежду, жилище, бытовую утварь и пр.). Результатом этого процесса становится включение в актуальную культуру людей (переселенцев и местного населения) новых форм жизнеустройства, и, как следствие, формирование системы описания этих новых форм. Более отчетливо это видно в языке, активно заимствующем «имена» для описания повседневности.

Следующий уровень коммуникации связан с процессом духовного освоения действительности, формированием символических систем. Человек, осваивая определенное пространство жизни, вступает в диалогические отношения с природным миром, с коренными насельниками данной территории, с другими «пришлыми» людьми, с миром «духовных существ». В ходе этих множественных связей формируются мифологические представления о реальности, создаются символические системы.

Для осознания собственной идентичности требуется понимание единого символического ядра, служащего объединяющим началом для жителей той или иной социальной общности. Символами, репрезентирующими определенное сообщество и служащими знаками его консолидации, могут стать закрепленные *в географическом пространстве* артефакты (крепости, храмы, различные типы поселений, административно-хозяйственные учреждения), закрепленные *в социальном пространстве* человеческие типы (которые объединяют характерные черты личности, воспитанной в определенных исторических условиях на данной территории), закрепленная *ментальном пространстве* официальная символика, представляющая регион. Процесс символизации пространства жизни становится условием существования социума как единой системы. Это необходимое условие коммуникации, в ходе которой происходит своеобразная дифференциация мира жизни на «свой» и «чужой».

Результатом этой символической деятельности можно считать формирование *языка*, как свидетельства завершенной духовной освоенности жизненного пространства.

На региональную культуру можно смотреть как на особую общность: в ее поле сосуществуют как равнозначные и равноценные элементы не только национальной культуры, но и элементы, свойственные другим этническим культурам, и освоенные в ходе межэтнической коммуникации на определенной территории. Региональная культура становится, таким образом, интегратором этнически разнородных элементов, обеспечивая в рамках локальной

территории возможность межкультурного и межэтнического взаимодействия и реализуя на практике модель поликультурного единства.

Человек, осознающий себя принадлежащим определенному местному сообществу, становится носителем различных «культур» – этнической, региональной, общероссийской. При этом принадлежность региональной культуре создает условия преодоления этнических противоречий за счет наднациональной идентичности, а этнокультурные и межнациональные конфликты во многом снимаются именно региональной самоидентификацией людей разных национальностей. Первичность регионального при не забвении этнического – это та форма социального устройства, которая гарантирует мирное существование и сводит к минимуму возможность конфликтов «на национальной почве». По сути, мы имеем дело с моделью непротиворечивого существования поликультурного единства, в рамках которого происходит объединение людей как «по горизонтали» – между народами, живущими на данной территории, так и «по вертикали», объединяя страну.

Обращаясь к специфике функционирования региональной культуры, становится возможным по-новому взглянуть на культуру страны. Россия представляет собой единство разнородных элементов: этнокультурных и поликультурных (региональных) общностей. Сознание «россиянина» – это напластование культурных знаков и значений, усвоенных в процессе жизни. При этом особую значимость приобретает непротиворечивость универсальных и личных смыслов. Освоение культуры России каждым конкретным ее жителем ведется через обретение личных смыслов, опосредованных локальным сообществом. Региональная культура становится тем «адаптивным механизмом», который объединяет национальные и наднациональные ценности, обеспечивая идентификацию россиянина. Методология изучения региональной культуры как структурообразующего элемента культуры России позволяет сформировать положительную идентичность, дает возможность человеку обрести непосредственную связь с миром, осознать себя частью большого целого.

Таким образом, проблемы внутренней регионалистики как складывающейся теоретической и практико-ориентированной дисциплины затрагивают все области гуманитарного знания и могут послужить одним из оснований для создания современного интегрированного знания как об отдельных регионах страны, так и о России в целом. Изучение феномена региональной культуры становится основой для раскрытия сложно организованной системы культуры страны. Представляется, что введение понятия региональной культуры как интегрирующего в поле внутренней регионалистики существенно расширяет представление о специфике существования культуры страны в целом, о способах существования национальной культуры и ее продуктивных началах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990.
2. Данилевский Н. Россия и Европа. – М., 1991.
3. Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Отечественная история. – 1999. – № 5. – С. 4 – 28.
4. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб, 2000.
5. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
6. Белова В.Л. Регионоведение. Регионообразующие факторы // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 2. – С. 57 – 67.
7. См., например: Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М., 1994; Бусыгина И.М. Регионы Германии. – М., 2000.
8. Сергунин А.А. Проблемы и возможности регионалистики // ПОЛИС: Политические исследования. – 1994. – № 5. – С. 149 – 151.
9. См., например: Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н. и др. Региональное развитие в контексте модернизации / РАН Урал. отд. – Екатеринбург; Лувен, 1997.; Региональное развитие: опыт России и Европейского союза. – М., 2000.
10. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. статей. – М., 2001.
11. Тагильцева Н.Н. «Золотой век» уральского краеведения // Уральское краеведение / Уральский областник. № 5. – Екатеринбург, 1996. – С.8 – 17.
12. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. - Томск, 1907; Богословский П.С. О постановке культурно-исторических изучений Урала // Уральское краеведение. – 1927. – Вып. 1.
13. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон». – СПб., 1999.
14. Перспективы социально-экономического развития Дальнего Востока // Вопросы экономики.– 2000.– № 10. – С. 92–103.
15. Попов А.В. Административно-территориальное управление и новая политическая роль регионов // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 5. – С. 259 – 269.
16. Косач Г. Оренбург: региональная мифология как фактор взаимоотношений с соседями// Реальность этнических мифов. – М., 2000.

17. Жеребятъев М., Козлов Г., Кузьмин А. и др. Политика и культура в российской провинции: Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области – М.; СПб, 2001.
18. См.: Сверкунова Н.В. Исследование региональной идентичности: исторический аспект // Социология и социальная антропология / Межвуз. сб. к 60-летию со дня рожд. проф. А.О. Борноева. – СПб, 1997. – С. 321 – 329;
19. О продуктивности такого подхода свидетельствует активно разрабатываемое сравнительно новое направление в науке – «культурная география»: Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М., 1998; Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучение // Известия АН СССР – Серия географическая. – 1990. – №1. – С. 5 – 17; Дружинин А.Г. Методологические основы географического исследования культуры // Известия всероссийского географического общества. – Т. 121. – Вып. 1. – 1989. – С. 59-64; Замятин Д.Н. Географические образы мирового развития// Общественные науки и современность. 2001. № 1. – С. 125 – 137.

